

УДК 339.9(470)+338.1(470)

А. А. Мальцев

СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ОТКРЫТОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В статье обосновывается необходимость разработки новых подходов к теоретико-методологическому изучению экономических процессов. Рассматривается гипотеза «разоряющего роста» и ее влияние на социально-экономическое развитие страны. Особое внимание уделяется анализу соотношения свободы торговли и протекционизма как базовых разновидностей экономической политики, влияющих на развитие экономики России в современных условиях.

Ключевые слова: мировая экономика, глобализация, разоряющий рост, свобода торговли, протекционизм, внешнеэкономическая политика.

Политические свободы дают человеку право голоса, свободы слова, выбора религии. Но политические свободы без экономических свобод оставляют человека замерзшим, голодным и нищим.

J. W. Smith. WHY? A Deeper History Behind the September 11th Terrorist Attack on America

Поиск нового пути экономического развития России

Вопрос о путях и характере развития России до сих пор сохраняет свою актуальность, несмотря на второе десятилетие с начала социально-экономических реформ. Если раньше, в 1990-х гг., речь шла о постсоциалистическом выборе России, то теперь обсуждаются новые пути развития в XXI в. Но если прежде говорилось о том, что Россия «напоминает собой путника, который шел в определенном направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности — и теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, вбок, в сторону, по кругу» [6], то теперь следует акцентировать внимание преимущественно на социальных ориентирах: «Россия вышла сегодня на тот рубеж, когда она особо нуждается в социальном, экономическом и политическом ориентировании... Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России» [8].

Выполнение основных программ первого этапа социально-экономического реформирования (до 2000 г.) — либерализации, приватизации, финансовой стабилизации, становления открытой экономики — ввело в действие механизмы структурной трансформации экономики и общества. Оценки последствий этого противоречивы и по большей части негативны: падение производства, рост взаимных неплатежей, увеличение числа убыточных предприятий, социально-экономическое расслоение. Целью второго этапа рыночных преобразований исследователи и политики называют социально-экономическую модернизацию как преодоление экономического и технологического отставания России от развитых стран.

Если причинами негативных последствий рыночных реформ 1990-х гг. можно

считать структурные деформации экономики социалистической эпохи, ошибки экономической политики и прежде всего проведение шоковых реформ, чрезмерное влияние на характер процессов в экономике и социальной сфере узкополитической конъюнктуры, то трудности курса на модернизацию связаны с социокультурными и институциональными факторами — особенностями российско-советской системы ценностей, спецификой российской модели экономической культуры, а также закономерностями функционирования и трансформации общественного сознания. Таким образом, цели и задачи модернизации в качестве нового этапа реформ связаны не только с преодолением концептуальных ошибок прошлого, но и с включением в действие субъективного фактора — целевых ориентиров, мотивов и установок, способных на деле обеспечить устойчивое поступательное развитие российского общества, изменить ситуацию в экономике.

Исследователи мирового опыта экономических трансформаций связывают модернизационный потенциал страны с последовательно инновационным подходом к экономическому развитию [1]. В России, несмотря на различие ценностных ориентаций социальных групп, население не участвует в разработке идеи развития, многие заняты проблемами выживания. Но без укоренения данной ценности в сознании россиян в России возможен только ограниченный экономический рост, что мы и наблюдаем в настоящее время. Перспективы качественного скачка модернизационного развития связаны с необходимостью перестройки общественного сознания в соответствии с идеями развития, формированием «новой экономической теории» и созданием социальных установок и новых стереотипов, обеспечивающих прогрессивное развитие российского общества.

При этом некоторые исследователи считают, что вышеперечисленные экономические принципы совершенно неприменимы к теоретическому осмыслению процессов в экономике России после событий 1991 г. Для их понимания необходим выход за пределы «чистой экономики» в область будущей экономической теории. С этой целью, например, С. К. Шардыко воспроизвел последовательность ключевых событий — фазовую траекторию исторического движения нашей страны в период с 1991 по 2007–2010 гг. [10]. Эта фиксирующая волновую динамику последовательность, полагает ученый, особый феномен социальной реальности, к которому применимо название «длинный» кризис. Мировыми его аналогами в XX в. были Великая депрессия и «энергетический кризис» 1970-х, а отечественным — кризис 1914–1929 гг. Эти кризисы локализовали во времени длинные волны экономической эффективности — «пятидесятилетние» волны Кондратьева. «Нормальную» экономику — определенный технико-экономический уклад, локализованный одной волной Кондратьева, — кризис такого рода необратимо отделяет от «нормальной» экономики другого уклада следующей длинной волны. Основное отличие двух экономик, например «советской» и «постсоветской», состоит в принципиальном различии технологической основы этих двух технико-экономических типов. Так, российский кризис 1914–1929 гг. отделил «нормальную» экономику паросиловых технологий от «нормальной» советской экономики, основанной преимущественно на производстве и использовании электрического тока. Российский кризис 1991–2007 гг. жестко отделил пакет волн «нормальной» советской экономики двух индустриальных технико-экономических укладов: третьей волны электротехнологий, которая, по мнению С. Ю. Глазьева, охватывает 1880–1930 гг., четвертой волны массовых конвейерных технологий 1930–1980-х гг. и пятой вол-

ны информационно-компьютерных технологий 1980–2030-х гг. [2]. Этот кризис сформировал особую обстановку, которая, в свою очередь, генерирует множество антикризисных программ и стратегий.

Стратегия внешнеэкономической открытости: исторический контекст проблемы

Масштабы российских реформ, неожиданные для «реформаторов» и населения, российской научной и политической элиты, заставляют ученых говорить о постреформенном восстановлении народного хозяйства. Одним из возможных вариантов социально-экономической модернизации является ставка на внешнеторговый сектор страны. Использование внешней торговли в качестве «спасательного круга» для экономики страны не новое явление. В XVI в. внешняя торговля стала основой экономического процветания Британии. Именно торговля превратила Великобританию из небольшой страны, отрезанной от континентальной Европы морем, в перворазрядную индустриальную державу, которой она остается и поныне. Таким образом, уже в XVI в., с возникновением доктрины меркантилизма, изучение внешней торговли становится неотъемлемым разделом политической экономии. И в первую очередь, внешняя торговля рассматривается с точки зрения увеличения национального богатства, а позднее — экономического роста и социально-экономического развития страны.

Слова Адама Смита доказывают это: «Конечная цель... всегда одна и та же — обогатить страну за счет выгодного баланса в торговле. Из этой цели вытекает отрицательное отношение к вывозу средств производства (инструментов и сырья) и инструментов торговли, чтобы дать нашим собственным рабочим преимущество и дать им возможность установить более низкие цены, чем другие страны, на всех международных рынках; и, ограничивая таким образом вывоз недорогих товаров, поощряется многочисленный вывоз более дорогих товаров. Поощряется также ввоз средств производства, чтобы наши собственные люди смогли обрабатывать их дешевле, предотвращая дорогостоящий ввоз уже обработанных товаров» [15].

Эволюцию исследований экономического роста с учетом внешнеторгового фактора можно представить как непрерывно сменяющие друг друга «глобальные» и «локальные» модели. Построение «глобальных» моделей предполагает рассмотрение процесса в целом, в то время как «локальные» модели строятся для отдельных сторон изучаемого процесса. Как показывает история, развитие «локальных» моделей происходило на фоне доминирования главной на тот момент времени «глобальной» теории. Кроме того, и «локальные», и «глобальные» модели имеют свои ограничения, что делает их совместное применение крайне необходимым [5].

Исходя именно из критерия учета различных факторов воздействия на социально-экономическое развитие, нами выбраны две модели, описывающие современный внешнеторговый сектор: модель «открытой» и «консервативной» социально-экономической модернизации страны.

К примеру, модель «разоряющего роста», разработанная Джагдишом Бхагвати в конце 1950-х гг., ставит в центр внимания проблему выбора типа экономического роста в условиях открытой экономики, а именно импортозамещение или экспортрасширение. Согласно модели Дж. Бхагвати страны, опирающиеся на торговлю сырьевой продукцией, столкнутся с негативными последствиями экспорто-

расширяющего роста, в результате которого будет увеличиваться экспорт все более дешевающих товаров, и это в такой степени ухудшит условия торговли этих стран вследствие падения мировой цены на товары их экспорта, что положительный эффект от самого роста будет сведен к нулю. Именно это явление получило название «разоряющий рост».

Модель «разоряющего роста» дает возможность объяснить, почему многие развивающиеся страны, несмотря на активное участие во внешней торговле и положительные темпы роста национальной экономики, не могут достигнуть улучшения благосостояния. В первую очередь это касается стран, экономика которых испытывает структурный перекоп: существует гипертрофированный экспортно-ориентированный сырьевой или сельскохозяйственный сектор, обрабатывающая промышленность слаба и ее продукция проигрывает в конкуренции импорту, не развиты высокотехнологичное, наукоемкое производство и сфера услуг [12].

В модели Дж. Бхагвати рассматривался случай «разоряющего роста» без учета размеров внутреннего рынка страны. Исследования, проводившиеся позднее и основанные на эмпирических данных, показали несколько отличные результаты. В дискуссиях, ведущихся начиная с 1950–1960-х гг. по поводу стратегии развития бедных стран и стран со средним доходом, выделяются две противоположные модели развития: внешняя ориентация, т. е. «открытая» экономика, когда страна открывает свои рынки для остального мира и содействует экспорту (экспортотрасоряющий рост), и внутренняя ориентация — «консервативная» модель хозяйствования, когда страна воздвигает значительные барьеры для внешней торговли и направляет свои усилия на развитие собственной промышленности в целях удовлетворения потребностей внутреннего рынка. Последняя известна также как модель развития путем импортозамещения. Между прочим, данная модель является практически ровесницей теории «свободы торговли» Адама Смита. Так, Фридрих Лист поставил под сомнение основные постулаты теории «свободы торговли», поскольку его родная страна — Германия — не могла развиваться, используя философию «свободы торговли», разработанную для поддержания господства Великобритании. Однако и сама Великобритания не всегда придерживалась постулатов теории «свободы торговли», активно используя инструменты протекционистской политики. Представляются интересными и не потерявшими в целом ряде случаев своей актуальности протекционистские принципы, приведенные Фридрихом Листом в его книге «Национальная система политической экономии» (1841), которыми руководствовалась Великобритания в XVIII в.:

- «всегда поощрять импорт производственных мощностей, а не готовых товаров;
- развивать свои производственные мощности и защищать их;
- импортировать только сырье и сельскохозяйственные продукты и экспортировать только промышленные товары;
- направлять любые излишки производительных мощностей на колонизацию и на подчинение варварских наций;
- закрепить за метрополией исключительное право снабжения колоний и подчиненных стран промышленными товарами, в обмен получать на привилегированных условиях их сырье и колониальные продукты;
- уделять большое внимание мореплаванию, торговле между метрополией и колониями; поощрять рыбную ловлю в морях посредством премий, играть как можно более активную роль в международном мореплавании;

- вышеперечисленными способами установить морское превосходство и с его помощью расширить международную коммерцию, постоянно увеличивая свои колониальные владения;
- предоставлять взаимные привилегии в торговле только в том случае, если преимущество от их введения окажется на стороне Великобритании;
- разрешать концессии иностранным независимым государствам на ввоз сельскохозяйственных продуктов только в том случае, если таким образом можно получить от них концессии для вывоза английских промышленных товаров;
- в тех случаях когда такие концессии не могут быть получены при помощи соглашений, достигнуть цели контрабандной торговлей;
- вступать в войны и заключать союзы, уделяя исключительное внимание своим коммерческим, морским и колониальным интересам. Получать выгоду в них как от своих врагов, так и от своих союзников. От врагов — путем препятствия их коммерции на море, от союзников — путем разрушения их производителей через субсидии, которые выплачиваются в форме промышленных английских товаров» [14].

Почти во всех исследованиях, проводившихся за последние 25 лет, отмечается значительный опережающий рост стран с внешней ориентацией. И сам Дж. Бхавати в своих последних работах признает, что теория «разоряющего роста» верна для многих развивающихся стран, но есть государства, для которых возможность «разоряющего роста» все же существует. Это объясняется не только торговой ориентацией, но и структурой экономики. Более тщательные исследования внешне-торговой политики государств показывают, что залогом экономического роста при экспортотрасширяющей стратегии скорее является сбалансированная структурная политика государства. При ее отсутствии предпосылки Дж. Бхавати оказываются верными [5].

Разрабатывая внешнеэкономическую политику и поощряя рост факторов производства, правительства делают выбор между экспортотрасширяющей и импортозамещающей политикой. Этот выбор имеет смысл только в том случае, если страна достаточно велика и изменение относительных цен внутри нее может оказывать воздействие на цены международной торговли. Стимулирование инвестиций в импортозамещающий рост (производство национальных товаров, которые напрямую конкурируют с импортом) весьма предпочтительно, поскольку понижает цены на товары, которые страна импортирует, и улучшает условия торговли. Стимулирование инвестиций в экспортотрасширяющий рост (производство товаров, поставляемых на экспорт) снижает относительную цену экспорта и ухудшает условия торговли. Таким образом, если страна достаточно велика и может оказать влияние на мировые цены, предпочтительным является импортозамещающий, а не экспортотрасширяющий тип роста.

Внешняя торговля как фактор роста российской экономики

В последнее время к описанию экономической ситуации в России все чаще применяют термин «голландская болезнь», подразумевая под ним, в широком смысле, зависимость экономики от конъюнктуры мировых рынков минерального сырья. На официальном уровне впервые о «голландской болезни» было заявлено Министерством экономического развития и торговли РФ в 2000 г. Проблема, по

мнению специалистов министерства, заключается в том, что рост экспортной выручки позволяет наращивать капитальные вложения в добычу нефти и газа без увеличения производства [9].

Исследование «голландской болезни» позволило выявить общие закономерности отрицательных эффектов, связанных со стремительным развитием одного из секторов. В конце 1970-х гг. на основе теорий международной торговли, спроса и предложения факторов производства, макроэкономической динамики была создана и формализована так называемая модель стремительно-развивающегося сектора (СРС — Booming Sector model). С точки зрения экономической теории данная модель является универсальным инструментом для описания эффектов, возникающих в связи с бумом в одном из секторов малой открытой экономики.

Существует ряд основных допущений, на которых строится модель СРС. Национальная экономика является малой и открытой, цены на внутреннем рынке устанавливаются внутренним спросом и предложением. Экономика страны состоит из трех секторов: стремительно-развивающегося (или испытывающего бум) — [Б]; отстающего сектора — [О] и сектора, производящего неторгуемые товары, — [Н]. Первые два сектора производят торгуемые товары, и их цены заданы мировыми рынками. Причиной возникновения «голландской болезни» являются стремительный рост в одном из секторов экономики и, как следствие, рост совокупного дохода от факторов, изначально занятых в данном производстве. Рост в секторе [Б] может быть вызван тремя основными факторами: одновременным техническим прогрессом в секторе [Б], выражающимся в сдвиге производственной функции, причем прогресс происходит только в данной конкретной стране; стремительным открытием новых ресурсов, т. е. ростом предложения специфического фактора в растущем секторе; ростом в цене его продукции на мировом рынке относительно цены импорта [13] в случае, если сектор [Б] производит только экспортную продукцию.

В своих исследованиях зарубежные экономисты, как правило, используют либо первую, либо вторую причину бума в одном из секторов. Российская же специфика предполагает комплексность условий возникновения стремительного роста в одном из секторов.

Во-первых, высокая прибыльность добывающего сектора позволяет осуществлять крупные инвестиции в технологическое развитие, что существенно влияет на уровень производительности труда в данном секторе.

Во-вторых, богатство природных ресурсов (поддерживаемое постоянным открытием новых месторождений) можно расценивать как определенный рост специфического фактора производства.

В-третьих, высокая доля экспорта в объеме продукции, производимой растущим сектором, позволяет использовать фактор увеличения мировых цен на сырье как причину стремительного роста в добывающих отраслях российской промышленности.

К методам борьбы с «голландской болезнью» можно отнести широкий круг инструментов экономической политики; перечислим наиболее часто используемые в мировой практике:

— стимулирование трудоинтенсивности в бумовом секторе. Когда нефтегазовый сектор использует и труд, и капитал (что более реалистично), меняется и значение эффекта движения ресурсов, т. е. поощряется проиндустриализация.

Другими словами, технический прогресс смещается в таком направлении, что нефтегазовый сектор имеет возможность экономить на том факторе производства, который относительно интенсивнее используется в производстве товаров с высокой добавленной стоимостью;

— повышение капиталоемкости отстающего сектора. При постоянном реальном обменном курсе эффект движения ресурсов будет вызывать расширение выпуска в капиталоемком секторе, что будет являться результатом перемещения труда из «мини-Хекшер-Олин» экономики в нефтегазовый сектор по причине бума. Если отстающий сектор будет капиталоемким, в нем возникнет тенденция к проиндустриализации в результате эффекта движения ресурсов;

— защита отстающего сектора от неблагоприятных эффектов бума. Это особенно убедительно доказывает Дж. Смит. Когда страна тратит сто долларов на производство продукта внутри своих границ, то деньги, используемые для оплаты материалов, рабочей силы и других затрат, движутся внутри экономики по мере того, как каждый получатель тратит их. Благодаря этому эффекту мультипликации конечный продукт стоимостью в сто долларов может добавлять несколько сотен долларов к валовому национальному продукту данной страны. Если продукт ввозится из-за границы, то деньги тратятся внутри чужой страны и начинают обращаться внутри нее. В этом причина того, что промышленно развитая, вывозящая готовые продукты и импортирующая сырье страна богата, а слабо развитая, ввозящая готовые продукты и вывозящая сырье — бедна. Развитые страны «богатеют», продавая капиталоемкие товары за высокую цену и покупая товары, на которые требуются высокие затраты труда, за низкую цену. Этот дисбаланс в торговле увеличивает разрыв между богатыми и бедными странами. Развитые страны продают готовые для потребления товары, а не инструменты производства. Это сохраняет монополизацию средств производства и гарантирует сохранение рынков сбыта [16].

«Протекционизм — это государственность», — утверждал Д. И. Менделеев, анализируя в своих работах экономическое развитие Западной Европы и России, на конкретных примерах доказывая важность протекционизма и его взаимосвязь со свободной торговлей. Д. И. Менделеев считал, что если бы все страны мира согласились и ввели свободную торговлю, то в этом случае наступило бы полное рабство земледельческих народов, т. е. порабощение их промышленными, несмотря на то, что промышленных народов меньше, чем земледельческих. В подтверждение своих доводов он приводил примеры из экономики Англии и России: «100 тысяч англичан добывают 10 тысяч пудов угля, зарабатывая ровно столько, сколько десятки млн русских, выращивающих сельскохозяйственную продукцию: 800 млн пудов ржи, 300 млн пудов пшеницы, а получают в десятки раз меньше. В год средний вывоз ржи и пшеницы составляет 200 млн пудов, или на каждого русского 2 пуда в год, а в день — меньше четверти фунта на человека. Кроме того, урожаем правит погода. Убежден, что дальнейшее развитие благосостояния, просвещения, трудолюбия и самого спокойствия в России возможно лишь на основе развития промышленности» [7].

Весьма интересные мысли о свободной торговле изложены также в трудах русского дореволюционного ученого И. И. Янжула (1846–1914) [11]. Он считал, что государственное невмешательство и свобода торговли не являются общим законом человечества. Они приведут к экономической гегемонии народов, у кото-

рых промышленность успела развиться, над народами с менее развитой промышленностью.

Отстаивая протекционизм, И. И. Янжул пишет, что принцип невмешательства применительно к международным экономическим отношениям выгоден для народов с развитой промышленностью, т. е. в тех странах, где сложилась своя экономика и торговля, как это имело место в Англии. Но для экономически развитых государств необходимо существование стран, предоставляющих хлеб, сырье и свободный допуск иностранных товаров на свои рынки. Тогда для промышленно развитых стран появляется возможность экономически подавлять менее развитые страны, причем это становится привлекательным промыслом.

На примере США автор показывает, что проведение политики строгого протекционизма позволило стране гармонично развивать земледелие и промышленность. Используя возможности покровительственной и вывозной пошлины, США быстро богатели, чего не наблюдалось в Аргентине и Бразилии, которые развивали лишь свое земледелие и не прилагали усилий для развития промышленности.

Подводя черту под сказанным выше, можно сделать неутешительный вывод: в процессе экономической трансформации исходная «сырьевая диспропорция» российской промышленности значительно усугубилась. Произошел переход на новый уровень соотношения между производством сырья, промежуточной и конечной продукции, соответствующий ухудшению структуры промышленного производства. Такая динамика представляется естественной для открытой экономики, в основном экспортирующей сырье и полуфабрикаты и импортирующей конечную продукцию. Для развитых рыночных экономик, в большей мере импортирующих сырье и экспортирующих высокотехнологичную конечную продукцию, имеет место обратная закономерность.

Этот вывод подкрепляют слова из книги американского ученого Уильяма Уильямса «Контурь американской истории»: «Другие страны понимали, как понимали это и мы, что под свободной торговлей мы понимали ни больше, ни меньше, но способ, который бы, используя то большое преимущество, которое мы имели, дал бы нашим производителям полную монополию на всех рынках этих стран. И помешал этим странам, всем и каждой в отдельности, стать промышленными нациями» [18].

Считаем, что на вышеописанный механизм трансформации хозяйственной системы России оказали существенное воздействие как прямые (ориентация на экспорт сырья и разрыв традиционных экономических связей), так и косвенные внешнеторговые факторы. Под косвенными факторами в данном случае специалисты понимают то состояние мировой экономической системы, которое сложилось на момент начала интеграции в нее России, а следовательно, модель интернационализации российской экономики во многом была обусловлена именно глобальными тенденциями развития. Выделим главные из них.

Во-первых, существенно повысилась открытость большинства экономик. При этом модель открытой экономики была адаптирована ее разработчиками и «проводниками» к анализу переходных процессов так, что полученный вывод напрашивался однозначным: переходная экономика может быть только экономикой открытого типа, «импортирующей» конкуренцию, словно компенсируя нехватку последней на внутреннем рынке.

Во-вторых, на сегодняшний день трудно четко разделить основные внешнеторговые стратегии экономического роста — импортозамещения и экспорторасшире-

ния. Россия, начиная с момента либерализации внешней торговли, пыталась осуществлять обе данные стратегии, причем выбор их был продиктован не политикой правительства, а рыночной конъюнктурой.

В-третьих, в последние десятилетия развитые рыночные экономики обмениваются с другими преимущественно возобновляемыми ресурсами, в первую очередь промышленными товарами с высокой долей добавленной стоимости и услугами, в то время как сектор сырья и товаров «низкотехнологичной ниши» перешел к развивающимся странам [5].

В итоге можно согласиться с предположением Дж. Смита о том, что промышленные успехи США, Великобритании, Германии, Китая и СССР были достигнуты на основе «консервативной модели хозяйствования», но ни одна страна, ни разу не смогла достичь значительных социально-экономических показателей, следуя «открытой» модели экономики [17]. А одним из «рецептов» возможного социально-экономического развития России может послужить по-прежнему современный «рецепт» Ф. Листа: «Чтобы вовлечь в производство празднующие ресурсы, чтобы преодолеть отсталость и депрессивность регионов, допустимо и необходимо развивать отрасли, в которых производительность труда в данный момент ниже, чем за границей. Эту потерю стоимостей надо, следовательно, рассматривать как цену за промышленное воспитание нации» [4].

Идеи протекционизма универсальны для всех стран догоняющего развития. Для этих стран неприменимы кажущиеся очевидными теоретические схемы лидеров мировой экономики. Для догоняющего развития нужна система специальных мер, одной из которых неизбежно оказывается протекционизм. «Благодаря» протекционизму произошел скачок экономического роста в конце XIX — начале XX в. в Германии, совершила индустриальный рывок в 1893–1913 гг. Россия. Именно протекционизм являлся «драйвером» экономического чуда в Японии.

Итак, свобода торговли и протекционизм — лишь две разновидности внешнеэкономической политики, оказывающей заметное влияние на развитие национальной промышленности. Свобода торговли может лишь увековечить промышленную отсталость страны, содействовать консервации остатков неразвитой экономики государства. Протекционизм, допускающий элементы открытой конкуренции, является средством ускорения промышленного развития и создания конкурентоспособной экономической системы и соответственно социально-экономического процветания страны. На это в свое время обращал внимание Д. И. Менделеев. Отстаивая необходимость введения политики протекционизма в России в конце XIX в., он подчеркивал, что такая политика должна способствовать не только развитию промышленности, «но и ко всякой экономической деятельности жителей, например, к путям сообщения, торговли... покровительство просвещению, особенно реальному, т. е. жизненному» [7].

Секрет любого «экономического чуда» заключается в правильном выборе и реализации приоритетов развития, реализация которых дает возможность «оседлать» очередную волну экономического роста [2]. Но чтобы это сделать, нужно своевременно создать научно-информационные, производственно-технологические и интеллектуальные заделы в освоении перспективных технологий. Правильное определение приоритетных направлений концентрации национальных ресурсов помогло вырваться из периферийной зависимости азиатским тиграм — Японии,

Южной Кореи, Тайваню. «Наблюдательные» азиаты всегда заимствуют у Запада все, что им нужно и выгодно, без особых споров и обсуждений. Они досконально изучили и применили наследие Ф. Листа и других протекционистов и используют его до сих пор. Их гибкость заключается в одновременном проведении политики фритредерства для тех отраслей, где они обогнали Запад, и политики протекционизма в тех отраслях, где он необходим, — в сельском хозяйстве, легкой промышленности и т. п. Успех такой политики налицо [3].

Сегодня по этому же пути идут Китай, Индия и Бразилия. Абсолютизация стратегии «свободной торговли» для развивающихся стран бесперспективна, так как исключает возможность работы институтов развития. Это хорошо видно по последствиям такой стратегии в Российской Федерации. Для стран догоняющего развития, к которым относится Россия, умеренный протекционизм — неизбежность. Без него нельзя преодолеть отсталость, стать развитым государством. Вместе с тем, как показывает практика, даже в условиях глобализации соотношение протекционизма и свободной торговли является не константой, а скорее переменной, зависящей от конкретных условий проживаемого страной этапа.

1. *Абалкин Л.* Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // *Вопр. экономики.* 2006. № 12; *Глазьев С. Ю.* Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов : науч. доклад. М., 2007. URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/2394; *Федосов Е. А.* Инновационный путь развития как магистральная мировая тенденция // *Вестн. РАН.* 2006. № 9.
2. *Глазьев С. Ю.* Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов : науч. докл. М., 2007. URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/2394
3. *Гильбо Е. В.* Фридрих Лист, который опять современен. URL: <http://www.opes.ru>
4. *Дружинин Л.* Экономический национализм по Фридриху Листу // *Конкуренция и рынок.* 2005. № 27.
5. *Забелина О. В.* Внешнеторговые факторы интенсификации экономического роста в России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д, 2006.
6. *Заславская Т.* Человеческий фактор в трансформации российского общества. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/10/13/zaslavskaya.html>
7. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. М., 1905.
8. Обоснование национального модернизационного проекта социально-экономического развития России. URL: <http://www.dialectics.ru/index.php?id=70>
9. Российская газета. 2001. 5 апр.
10. *Шардыко С. К.* Энергетическая составляющая теории кризиса. URL: <http://www.sciteclibrary.ru>; *Шардыко С. К.* Феноменология критических процессов в 1991–2007/10 годах в России. URL: <http://www.sciteclibrary.ru>
11. *Янжул И. И.* Английская свободная торговля. М., 1882.
12. *Bhagwati J.* Outward-orientation and development: are revisionists right? (co-authored with Professor T. N. Srinivasan for Professor Anne Krueger) // *Festschrift.* 1999. Sept.
13. *Corden W. M.* Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation // *Oxford Economic Papers* 36. 1984.
14. *List F.* Das nationale System der politischen Oekonomie. Stuttgart, 1842.
15. *Smith A.* An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. N. Y., 1965.
16. *Smith J. W.* The World's Wasted Wealth 2. Santa Maria, 1994.
17. *Smith J. W.* WHY? A Deeper History Behind the September 11th Terrorist Attack on America // 1stBooks Library Bloomington. Indiana, 2002.
18. *Williams W. A.* The Contours of American History // Norton and Company. N. Y., 1988.

Рукопись поступила в редакцию 7 июля 2008 г.